

Глава 17

ГОРОДА В ПУСТЫНЕ

В 1918—1919 гг. Семиречье (юго-восток Казахстана и Киргизстан) считалось периферией Гражданской войны. Лишь после побед над Колчаком и Деникиным большевики вплотную занялись среднеазиатским «медвежьим углом». В начале 1920 г. здесь появилась красная дивизия Ивана Белова. Ей противостояло весьма разношерстное воинство из казаков и казахских националистов. Командовал этой «армией» один из самых зловещих представителей Белого движения атаман Борис Анненков.

АННЕНКОВ

Борис Владимирович Анненков родился в 1890 г. в фамильном поместье под Киевом, в семье потомственных дворян. В числе его предков значились декабрист Иван Анненков и последовавшая за ним в Сибирь француженка Полина Гебль. История этой пары влюбленных стала основой для романа А. Дюма «Учитель фехтования» и фильма В. Мотыля «Звезда пленительного счастья». Что касается их потомка, «хозяина Семиречья», атамана Анненкова, то его биография вполне органично смотрелась бы в другом произведении А. Дюма — цикле очерков «История знаменитых преступлений»...

Окончив Одесский кадетский корпус и Московское Александровское училище, Анненков с 1908 г. служил

в Туркестане. В Первую мировую войну со своей сотней он отважно партизанил по немецким тылам, получив за отвагу такие почетные награды, как Георгиевский крест 4-й степени и наградное Георгиевское оружие. В районе Пинских болот его люди не раз пересекались с еще одним партизанским отрядом, которым командовал другой не менее лихой командир есаул А. Г. Шкуро. Однако, если эмблемой «шкурят» стала голова волка, Борис Владимирович отдал предпочтение черепу с костями, или «Адамовой голове» — символу жертвенности и самоотречения.

В своем отряде есаул Анненков насаждал дух товарищества, а его подчиненные называли друг друга не иначе, как брат. Впрочем сам Борис Владимирович был для них не столько братом, сколько отцом, причем отцом довольно суровым. Дисциплина в его сотне была железной, и не удивительно, что когда после Февральской революции армию захлестнула волна дезертирства, анненковцам в числе других наименее разложившихся подразделений поручили нести полицейско-комендантскую службу в тыловых городах Западного фронта (Осиповичах, Барановичах, Слуцке).

В феврале 1918 г. большевики предписали Борису Владимировичу разоружить свой отряд и отправиться с ним в Омск для последующего расформирования. Однако, прибыв к месту назначения, Анненков все еще пытался сохранить сотню как боеспособное соединение. После того как часть бойцов все же разбрелась по домам, атаман вместе с немногими верными людьми налетел на здание войскового штаба и, захватив хранившуюся там реликвию — знамя Ермака, ушел партизанить в Прииртышские степи.

К маю 1918 г. в его отряде насчитывалось порядка 200 сабель. Мятеж «белочехов» активизировал антибольшевистское движение, и уже летом анненковцы стали довольно значительной силой. Верховный правитель адмирал Колчак присвоил Борису Владимировичу звание генерал-майора и назначил командующим отдельной Семиреченской армией. На черном знамени этой армии

красовались все тот же череп со скрещенными костями и под ними надпись: «С нами Бог!».

Действовал Анненков в Северном Казахстане и Западной Сибири, причем воевал он не столько против регулярных частей Красной армии, сколько против различных полупартизанских формирований. При этом Борис Владимирович умело играл на национальных противоречиях между русскими крестьянами-поселенцами и коренным казахским населением. Сам же атаман был в известной степени космополитом: в его армии существовали не только соединения из русских, казаков или казахов, но даже интернациональные сотни из сербов, венгров, китайцев, афганцев.

Грабежи среди анненковцев не практиковались, за все взятое они расплачивались по рыночной стоимости, однако населению от этого было не легче. Любую «красноту» Борис Владимирович искоренял со страшной жестокостью; так, при одном только подавлении восстания в Славгороде его люди вырезали до полутора тысяч местных крестьян.

Сам Анненков разъезжал по краю на бронепоезде собственного имени, причем в одном из вагонов этого состава содержались захваченные в плен ненавистные комиссары. В пути узников постоянно пытали и время от времени расстреливали, заменяя на «свеженьких». Среди заключенных «вагона смерти» уцелели лишь трое. Двое из них впоследствии были казнены большевиками по обвинению в провокаторстве. Третьего — Кузьму Галето — в 1928 г. едва не постигла аналогичная участь, однако жена его на суде заявила, что «добилась освобождения Галето из-под ареста, отдавая себя ради спасения Галето в руки сначала адъютанта Анненкова, а затем самому Анненкову, которые использовали Романову Н. И. как женщину»...

В апреле 1919 г. вместе с местными националистами (из «Алаш-орды») Анненков ликвидировал Советскую власть в Центральном Казахстане (взял Аягуз и Павлодар) и присоединил к своим «владениям» Тургайскую область. Правда, уже летом большевики начали полномас-

штабное наступление на Восточном фронте. Анненков считал возможным отослать на помощь Колчаку два своих кавалерийских полка — так называемых «черных гусаров» и «голубых уланов». Вырвавшись из-под бдительного атаманского ока, анненковцы устроили грабежи в Петропавловске и утихомирились лишь после того, как властям пришлось расстрелять 16 человек зачинщиков. Понятно, что до фронта ни «гусары», ни «улань» так и не добрались.

Осенью 1919 г. большевики вплотную занялись атаманом. Самому Анненкову пришлось отбиваться от наседавших с севера частей Туркестанского фронта. Одновременно другая часть Семиреченской армии, состоявшая из казаков генерала Щербакова, противостояла наступающей с юга дивизии Белова.

В войсках белых начались дезертирство и открытые мятежи. Чтобы усмирить одну из бригад, «хозяину Семиречья» пришлось (по советским данным) перебить более 3 тыс. человек. Но даже «драконовские меры» не могли выправить ситуацию.

Анненков отошел в Лепсинский уезд — в промежуток между озерами Балхаш, Сасыколь и Алаколь. Благодаря этому ему удалось сузить линию фронта до относительно небольшого пространства в 100 км. Однако в марте 1920 г. сдалась обороняемая казаками Щербакова горная крепость Копал. Оставшись без прикрытия с тыла, атаман начал отступать в Китай.

Остатки его войска с боями прошли 200 верст по безводной степи. Дисциплина стремительно падала, и Борис Владимирович решил устроить своим людям проверку. Неподалеку от Джунгарских ворот на границе с Китаем атаман приказал самому преданному Оренбургскому казачьему полку вернуться немного назад и устроить засаду. Правда, засада эта предназначалась вовсе не для красных.

Через пару часов Анненков обратился к подчиненным. Сообщив, что вскоре они пересекут границу с Китаем, атаман тут же предупредил: «...Слабым духом и здоровьем там не место. Кто хочет оставаться у большевиков, пусть остается. Не бойтесь ничего и ждите нашего воз-

вращения. Тому, кто пойдет с нами, возврата не будет. Думайте и решайте теперь же!».

Самые доверчивые попались на эту удочку: «Не суди нас, атаман-брат, что мы уйдем от тебя. Но мы клянемся тебе, что не встанем в ряды врагов твоих!». Спешившиеся казаки целовали стремя «брата-атамана», складывали оружие и пу-скались в обратный путь. А в ближайшем ущелье все они полегли под огнем сидевших в засаде «оренбуржцев»...

В Китае войско Анненкова расположилось в провинции Синьцзян на реке Боро-Тала. Местный губернатор не желал ссориться с большевиками и потребовал от беглецов либо разоружиться, либо передислоцироваться на Даль-ний Восток, к атману Семенову. Борис Владимирович тя-нул время, но как раз время-то и работало против него.

Все большее количество казаков выражали желание вернуться в Россию. Анненков вроде бы не возражал и нап-равлял дезертиров в несуществующий город Карагач, где уже якобы были заготовлены подводы, на которых их от-везут на Родину. По дороге верные анненковцы разбивали реэмигрантов на группы по 100—120 человек и уничтожа-ли. Использование подобных методов привело к тому, что в июле 1921 г. у Анненкова осталось всего 670 сабель.

Большевики между тем усилили давление на губерна-тора Синьцзяна, и тот в конце концов приказал аресто-вать атамана. Справедливости ради отметим, что и сами анненковцы дали для этого неплохой повод, устроив гра-бежи и вступив в бой с китайским отрядом.

Три года отсидел Анненков в тюрьме города Урумчи. Политическая ситуация в Китае за это время запуталась до невозможности. Фактически страна распалась на самостоя-тельные провинции, в каждой из которых сидел свой фео-дальный князек — какой-нибудь местный генерал или гу-бернатор. Одни из них ориентировались на дружественную российским большевикам партию Гоминьдан, другие — на англичан или американцев, третьи — на японцев. Общим у этих генералов и губернаторов было лишь то, что все они отличались воинственностью, а потому и в исторической литературе их частенько именуют милитаристами...

Видимо, рассчитывая использовать Анненкова, японцы добились освобождения его из-под стражи (февраль 1924 г.). Вместе со своим начальником штаба генерал-майором Н. А. Денисовым атаман поселился в 50 верстах от Ланьчжоу, где занялся разведением дорогостоящих пород лошадей. Однако чекисты не упускали Анненкова из виду и с беспокойством следили за его контактами с японцами. В составленной на Бориса Владимировича справке отмечалось, что он «человек быстрого и хорошего ума и громадной личной храбрости, остроумный, жестокий и ловкий... Хорошо владеет китайским языком, имеет средства и хорошо себя держит — это тип лихого казака».

Места, в которых проживал Анненков, контролировались войсками союзника Гоминьдана маршала Фэн Юй Сяна. Советником китайского военачальника был комкор Красной армии и бывший «червонный казак» В. М. Примаков (псевдоним Лин). Именно через него чекисты проинформировали Фэна, что Анненков контактирует с двумя его заклятыми врагами — генералами Чжан Цзо Лином и У Пэйфу. Естественно, маршал был взбешен и дал добро на арест атамана.

В декабре 1925 г. Фэн вызвал Анненкова и Денисова в Ланьчжоу и, обвинив их в связях со своими соперниками, заявил, что теперь они будут жить у него «под присмотром». 4 марта следующего года маршал, вроде бы «смиловившись», назначил Бориса Владимировича советником в штаб своего союзника Чжан Шудаяна. Анненков и Денисов отбыли к новому «месту службы» в Калган, где 31 марта и были арестованы на своей квартире группой советских чекистов. Вся операция прошла под руководством самого Примакова, а также прибывшего из Москвы «специалиста» С. П. Лихаренко.

Без шума и пыли Анненкова и Денисова вывезли из Китая в Россию. Суд над ними большевики превратили в громкий показательный процесс. Жители Семиреченской области помнили о зверствах анненковцев и встречали поезд с арестованными транспарантами «Где Анненков? Дайте его нам!». Сам процесс проходил в июле-августе

1927 г. в Семипалатинске, и, разумеется, оба подсудимых были приговорены к смерти. Борис Владимирович прекрасно понимал, что рассчитывать ему не на что. 13 августа (за 9 дней до казни) он написал письмо, которое завершалось словами: «Я должен уйти из жизни и уйду с сознанием того, что я получил по заслугам».

БЕЛОВ

Иван Панфилович Белов родился в 1893 г. в Туркестане в семье русских крестьян-переселенцев. В Первую мировую войну он был призван в армию и довольно быстро дослужился до унтер-офицера. После ранения Иван Панфилович попал в госпиталь, а затем был направлен в Туркестан, в одну из тыловых частей.

В качестве младшего командира ему предстояло воспитывать новобранцев. Однако наступившая в 1917 г. смута, мягко говоря, не очень способствовала выполнению этой задачи. Белов начал выступать на митингах и даже примкнул к тогдашним союзникам большевиков — левым эсерам.

14 ноября 1917 г., вслед за другими крупными центрами, Советская власть была установлена и в главном городе Средней Азии — Ташкенте. Однако по мере развертывания Гражданской войны у большевиков в Туркестане появлялись все новые и новые противники. На севере связь с остальной Россией была перерезана войсками атамана Дутова. В Семиречье набирал силу другой атаман — Анненков. На юге в Туркмении при помощи англичан было создано Закаспийское временное правительство. Явно не симпатизировали красным считавшиеся независимыми феодальные государства — Бухара и Хива. И, наконец, на базе борьбы за традиционные «исламские ценности» зародилось басмаческое движение.

Командуя в этот период различными отрядами, Белов сделал первые шаги в своей полководческой карьере. В марте 1918 г. он стал начальником гарнизона и комендантом Ташкентской крепости. Через два месяца на 5-м краевом съезде Советов было провозглашено создание Туркестан-

ской советской республики. Затем началось строительство армии «нового государства». Разрозненные части Красной гвардии были подчинены единому Военно-революционному штабу, в котором Иван Панфилович занял должность заместителя главнокомандующего.

Звездным часом Белова стал так называемый Ташкентский мятеж. 19 января 1919 г. тогдашний военный комиссар Туркестана левый эсер К. П. Осипов пригласил «на совещание» высшее руководство республики — председателя Туркестанского ЦИКа Вотинцева, председателя Совнаркома Фигельского и еще 12 человек. В казармах бывшего 2-го Сибирского полка все они были арестованы и практически немедленно расстреляны.

Выступив под лозунгом созыва краевого Учредительного собрания, Осипов привлек на свою сторону не только значительную часть гарнизона, но и своих бывших противников — басмачей и белогвардейцев. Более того, за его спиной стояли и иностранцы — английские разведчики Бейли и Эдвардс, американский консул Тредуэлл и даже агенты эмира бухарского.

Используя фактор внезапности, мятежники захватили практически весь город. Большевики удержались лишь в Доме свободы (главном административном здании республики) и железнодорожных мастерских. В этой ситуации все зависело от гарнизона крепости и его начальника — Белова. Иван Панфилович, как и Осипов, был левым эсером, а всего полгода назад эта партия фактически была разогнана большевиками. Не удивительно, что глава мятежа рассчитывал на Белова, допустив тем самым свою главную роковую ошибку...

Иван Панфилович быстро собрал в кулак все еще верные большевикам части — 4-й Туркестанский полк, Оренбургскую школу военных инструкторов, Первые туркестанские командные курсы. Поняв, что рассчитывать на Белова не приходится, Осипов попытался взять крепость, но потерпел неудачу.

Уцелевшие коммунисты (А. А. Казаков, Д. И. Манжаре, Н. И. Ходжаев, М. Миршарапов, П. И. Ильясов,

С. З. Рубцов) создали Временный ревком и приступили к формированию отрядов из рабочих и местных жителей. Все они также перешли в ведение Белова, и к утру 21 января мятежников удалось выбить из города. Прихватив золото из Ташкентского банка, Осипов начал прорываться в Бухару. Несколько недель Иван Панфилович со своими бойцами висел у него на хвосте, однако добить противника и вернуть ценности так и не смог.

Тем не менее в Ташкент Белов вернулся триумфатором. Сохраняя последовательность в своих действиях, он тут же вступил в большевистскую партию и уже в апреле 1919 г. стал главнокомандующим войсками Туркестанской республики.

Будучи человеком очень осторожным и расчетливым, Иван Панфилович избегал ввязываться в авантюры. Подобная позиция иногда приводила к конфликтам с местными руководителями. Так, уже в мае, вопреки советам Белова, глава Туркестанского Совнаркома Колесов попытался установить Советскую власть в Бухарском эмирате. На первый взгляд, ситуация здесь облегчалась тем, что по землям этого государства пролегла русская железная дорога, а вдоль нее располагались русские же поселки (Новая Бухара, Новый Чарджуй, Термез), пользующиеся правом экстерриториальности. Вдобавок в самой Бухаре действовала своеобразная «пятая колонна» — партия младобухарцев во главе с Ф. Ходжаевым.

Однако первая попытка покорить эмират закончилась неудачей. Во время переговоров бухарцы перебили представителей туркестанского ревкома и разгромили экспедиционный отряд красных. Главкому пришлось расхлебывать последствия поражения. Вдохновившись успехом, басмачи перешли в наступление и были остановлены Беловым лишь у Андижана.

В сентябре 1919 г. действовавшие на Урале войска Красной армии соединились с частями Туркестанской республики. Для установления полного контроля над Средней Азией был образован единый Туркестанский фронт во главе с победителем Колчака — М. В. Фрунзе. Иван Панфи-

лович перешел к нему в подчинение и возглавил только что сформированную 3-ю Туркестанскую стрелковую дивизию.

Белову предстояло ударить с юга по Семиреченской армии. Правда, на первом этапе ему предстояло иметь дело не с самим Анненковым, а с прикрывавшим его спину генералом Щербаковым.

Упреждая события, тот в январе 1920 г. первым перешел в наступление, но потерпел поражение и отступил в считавшуюся неприступной горную твердыню Копал. 10 марта Иван Панфилович предпринял штурм крепости. Часть 3-й дивизии двинулась в лоб, а остальные подразделения попытались обойти Копал с тыла и флангов. Однако, пройдя по обледенелым горным тропам, бойцы вышли на позиции сильно замерзшими. Защитники крепости открыли огонь из 130 пулеметов, после чего красноармейцы попросту не решились идти на верную смерть.

К имевшим место случаям неповиновения Белов отнесся спокойно, решив взять твердыню измором. 20 марта кавалерийская бригада (из трех полков) обошла крепость, пытаясь отрезать единственный путь, по которому к белым могло прибыть подкрепление. Однако по дороге красные напоролась на шедшую в Копал подмогу. Начавшийся бой оказался неожиданным для обоих противников. Но прибывший к месту сражения Белов действовал лучше и оперативнее Щербакова.

Разгромленным казакам пришлось отступить сначала в станицу Арасанскую, а затем еще дальше — в Саркандскую. И здесь Белов прибег к дипломатии. Перед занятием Арасанской он призвал подчиненных воздерживаться от грабежей и щадить тех кто сложит оружие. Сделанное им в приказе предупреждение, «все зависит от вас — или поможете прикончить фронт, или подтолкнете казаков на новую войну», подействовало на красных отрезвляюще. Вопреки уже сложившейся в Гражданской войне практике, при занятии Арасанской не было ни грабежей, ни расправ над пленными. Потрясенные местные жители тут же направили делегатов к своим землякам, сидевшим

в Копале. Вскоре крепость капитулировала, всего же в Семиречье красным сдалось около 6 тыс. казаков.

Весть о великодушии Белова больше, чем любые победы, подорвала мощь Семиреченской армии. Так и не сойдясь с Иваном Панфиловичем в открытом бою, Анненков предпочел укрыться в Китае.

Ради справедливости следует отметить, что «добросердечие» красного комдива диктовалась исключительно стратегической целесообразностью. При случае Белов мог действовать жестко и даже коварно. Эта его способность в полной мере проявилась во время событий в Верном (Алма-Ате) в июне 1920 г.

Гарнизон города состоял из бойцов все той же 3-й Туркестанской дивизии. Большинство из них были мобилизованными в Красную армию местными уроженцами и не проявляли ни малейшего желания воевать вдали от родных мест. Не удивительно, что, получив приказ идти в Фергану на борьбу с басмачами, солдаты взбунтовались и даже выдвинули политические лозунги (отмена продразверстки, борьба с «засильем туркмен» в местных органах власти). Мятежники сместили командиров и создали собственный ревком во главе с начальником верненской милиции Г. Чеусовым.

Белов и комиссар дивизии Д. Фурманов начали переговоры и даже пошли на частичное удовлетворение требований: несколько представителей восставших были введены в состав областного ревкома и Военного совета дивизии.

На какой-то момент мятежники потеряли бдительность, благодаря чему Иван Панфилович сумел тайно подвести из Семипалатинска и Ташкента надежные части (4-й кавалерийский полк своей же дивизии). В ночь на 19 июня вместе с Фурмановым Белов тайно покинул город. Утром он вернулся обратно, но уже в качестве карателя. 4-й полк практически без сопротивления разоружил восставших, а 12 руководителей мятежа были расстреляны по приговору военно-революционного трибунала.

После этого о нежелании воевать с басмачами никто даже не заикался. Под командование Белова перешла це-

лая группа войск, предназначенная для покорения Бухарского эмирата. Главными инициаторами нового похода были мечтавший о лаврах Тамерлана М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев. Что касается Ивана Панфиловича, то на его долю выпало непосредственное руководство операцией.

На сей раз к покорению Бухары красное командование подошло более основательно. Численность группировки составляла 17 тыс. бойцов, подкрепленных аэропланами, броневиками, бронепоездами. К тому же на территории русских поселков из недовольных эмиром была создана 7-тысячная Бухарская Красная армия.

28 августа в местечке Сахар-Базар агенты большевиков подняли народное восстание, после чего обратились за помощью к правительству Советского Туркестана. Памятуя о прошлогодней неудаче, некоторые ташкентские руководители предлагали ответить отказом. Однако эмир сам дал подходящий повод для вторжения, приказав своим войскам разрушить русскую железную дорогу.

Огнем из бронепоездов красные отогнали бухарцев от железнодорожного полотна, а войска Белова без особого труда преодолели 20 километров, отделявшие их от столицы эмирата. Правда, штурм самой Бухары оказался довольно долгим и кровопролитным. Город защищали 5-метровые стены с 11 воротами и 130 башнями. 30 августа при первом неудачном приступе войска Белова потеряли около 500 человек. Иван Панфилович подтянул резервы и приказал начать артиллерийский обстрел Бухары. 1 сентября через взорванный саперами пролом в стене в город вошли первые штурмовые отряды. К 6 вечера им удалось овладеть Мазари-Шарифскими и Каршинскими воротами. Наконец на следующий день после ожесточенного сопротивления пала цитадель Арке.

Победителям достались громадные трофеи. В Самаркандский банк отправился целый состав с сокровищами эмира, а бойцы Красной армии хвастались друг перед другом роскошными халатами и драгоценными саблями.

Бухарский эмират превратился в Бухарскую народную республику. Иван Панфилович получил орден Красного

Знамени и еще на несколько месяцев остался в Средней Азии. Впрочем, завершить ликвидацию басмачества ему так и не довелось, поскольку осенью 1920 г. он был отозван в Россию.

В марте 1921 г. Иван Панфилович принимал участие в ликвидации Кронштадтского мятежа, где и получил свой второй орден Красного Знамени. В дальнейшем большевистское руководство продвигало его как по армейской, так и по советской линии. Белов был членом ЦИК и Верховного Совета СССР, а также членом Военного совета при Наркомате обороны. В 1935 г. вместе с четырьмя другими военачальниками он получил звание командарма 1 ранга. На очереди было звание маршала...

Однако в 1938 г. Ивана Панфиловича расстреляли как врага народа. Трудно предположить, чем именно дисциплинированный и лишенный каких-либо политических амбиций Белов не угодил кремлевскому горцу. Однако из всех пяти командармов 1 ранга он был арестован и казнен последним.

Гражданские войны очень часто отличаются большим ожесточением, нежели войны обыкновенные. Сопровождающие их зверства приносят печальную известность фигурам, подобным атаману Анненкову. На фоне «хозяина Семиречья» Белов выглядит едва ли не образцом гуманизма и добросердечия. Что же касается полководческих дарований, то здесь достаточно перечислить города, связанные с этими двумя персонажами. Имя Белова ассоциируется с подавлениями мятежей в Ташкенте и Верном, обороной Андижана, взятием Копала и Бухары. А при имени Анненкова упоминается лишь один Карагач — несуществующий город смерти.